

3. Фойницкий М.Я. Курс уголовного судопроизводства. 4-е изд. Т. 1. СПб., 1912.
4. Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда). Историко-юридические этюды. М., 1891.

УДК 34(09)

В.И. Павлов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ И ОБЩЕЙ ОЦЕНКИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ РЕФОРМ В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМАЛЬНОГО ПРАВОВОГО АНАЛИЗА (НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ 1860-х гг.)

Введение. *Общие контуры методологии историко-правового исследования.* Очень часто историко-правовая традиция при анализе и оценке того или иного государственно-правового образования исходит из некоторых очевидностей, которые принимаются за правовые аксиомы независимо от того, рефлексировать либо не рефлексировать сам исследователь – историк права данное положение. Неклассическая историческая традиция, а также постклассический методологический анализ уже признали и доказали, что историко-правовое исследование всегда должно основываться на так называемой двойной либо тройной рефлексии: 1) на погружении в историко-правовой контекст исследуемой эпохи с позиции воспроизведения (реконструкции) характеристик дискурсивной формации прошлого, в нашем случае – политико-правовой модели; 2) на саморефлексии исследователя с позиции осознания условий и исторических ограничений того языка и дискурса, которым оперирует сам исследователь, в том числе на знании альтернативных и современных исследователю политико-правовых моделей и той из них, которой он сам придерживается; 3) наконец, на наложении второго положения на первое, т. е. на «диалоге» исследователя с той или иной исторической эпохой.

Нередко случается так, что современная методология познания просто игнорируется в историко-правовом анализе, а вместо нее исследователь «продвигает» собственное понимание историко-правовой реконструкции, что, в собственном смысле слова, является уже моментом идеологическим. Однако мировоззренческое позиционирование для исследователя – дело вполне нормальное, но при том условии, что такое позиционирование принимается за субъектную позицию в условиях признания альтернативных позиций. В случае же, когда историк права изначально вне всякой рефлексии осуществляет анализ того или иного

фрагмента историко-правовой реальности, т. е. скрыто, имплицитно приносит и представляет собственные мировоззренческие и парадигмальные позиции в качестве универсальных, мы сталкиваемся с элементарной прокламацией и непрозрачностью историко-правового исследования. Причем такое исследование может естественно подтверждаться фактологией, историческими фактами, которые, что также известно в неклассической методологической традиции, всегда являются продуктом определенной интерпретации и не могут претендовать на объективность (что, однако, не означает потерю ими исторической значимости).

Проблема методологического определения историко-правовой периодизации. Типичным примером того, о чем мы говорили выше, является вопрос о периодизации в истории государства и права либо в истории правовой мысли, который всегда является как раз выражением приверженности определенному идейному полю. Сегодня уже известно, насколько условной и идеологически ангажированной является историко-материалистическая модель периодизации истории государства и права, хотя, разумеется, она не лишена рациональности и собственной системы аргументации. Однако ее универсальное распространение делает невозможным корректное понимание многих важнейших аспектов историко-правовой реальности. Цивилизационно-культурный подход более точно фиксирует эти аспекты, однако также содержит некоторые условности в отношении понимания цивилизации и ее базовых структур. Например, следствием эпохи Просвещения стала совершенная аннигиляция религиозно-фундированных цивилизационно-культурных образований, хотя во второй половине XX в. К. Леви-Стросс доказал совершенную равноправность и полноценность различных культурных типов, в особенности типов, отличающихся от западного пути цивилизационно-культурного развития. Либо еще один пример – накладывание структур и цивилизационно-культурных доминант одного региона на другой регион: рассмотрение Возрождения, Реформации, Просвещения в политико-правовой мысли Беларуси (разумеется, имеется в виду Великое княжество Литовское и Речь Посполитая) либо Российской империи, которые внутренне не содержали в себе базовых цивилизационно-культурных оснований тех феноменов, которые им приписали «задним числом». Есть множество других примеров.

Государственно-правовые реформы: общие подходы методологического анализа. Точно такая же ситуация складывается и в общей оценке и понимании государственно-правовых реформ. Реформа, в точном смысле слова, это реформа, иначе, внешнее изменение, упаковка одного и того же содержания. Любая государственно-правовая реформа всегда должна отвечать двум критериям: 1) сохранять базовые политико-правовые содержания; 2) создавать для них новый облик такой глубины, кото-

рый бы не претендовал на их коренное изменение, или, что то же самое, их упразднение и замену новыми. В данном случае имеет место уже не реформа, а революция.

Для корректной оценки значения реформы необходимо учитывать следующие параметры:

1) знать и брать в расчет целый цикл той или иной политико-правовой формации или парадигмы, включая дискурсивную формацию как систему формирования политико-правового знания и смыслов;

2) знать ядро, или базовые содержания политико-правовой формации, на которых основывался правовой порядок в самом начале формирования формации. К. Шмитт называл это решением (Dezision), которое заключено во властной позиционировании нового правопорядка независимо от всякой правовой формы. В частности, К. Шмитт отмечал, что «с нормативной точки зрения решение родилось из ничто. Правовая сила решения <Dezision> представляет собой нечто иное, чем результат. Вменение происходит не с помощью нормы; напротив, лишь исходя из некоторой точки вменения, определяется, что есть норма и какова нормативная правильность» (Шмитт К. Политическая теология : 1-й сб. / пер. с нем., заключ. ст. и сост. А. Филиппова. М., 2000. С. 51–52);

3) знать ядро, или базовые политико-правовые установки реформы, в зависимости от которых они могут претендовать на статус эволюционных либо революционных, т. е. выполнять созидательную либо разрушающую функцию в политико-правовом организме.

Данные параметры являются обязательными для корректного историко-правового анализа, они, собственно, и представляют собой парадигмальный правовой анализ, причем при их верном использовании исключается само по себе идейно-политическое и идеологическое ангажирование в работе исследователя – историка права, в особенности при прозрачности описании второго и третьего параметров.

Реформа 1860-х гг. в России. Следует сказать однозначно, что судебная реформа в России 1860-х гг. с точки зрения выделенных нами параметров однозначно являлась разрушительной для политико-правовой модели Российской империи с позиции ее базовых цивилизационно-культурных эксплицитных и имплицитных установок. Само по себе достаточно устоявшееся название реформ – «буржуазные» – уже указывает на то, что эти реформы воспроизвели политико-правовое содержание преобразований эпохи Нового времени в Западной Европе XVII и особенно XVIII в. В самой Западной Европе эти изменения не названы реформами – они совершенно точно названы буржуазными революциями, поскольку изменяли политико-правовое ядро и основание старого монархическо-религиозного порядка в Европе. Новоевропейские политико-правовые концепции фактически создавали современность при принци-

пиально иных политико-правовых условиях и характеристиках, нежели они были в России (нередко не учитывается, что в терминах марксизма «буржуазный» равняется «либеральному», «правовому», «капиталистическому», «рыночному»). Разумеется, самым главным отличием было идейно-смысловое, оно же сакральное содержание российской государственности, которое описал бывший народоволец Л.А. Тихомиров в работе «Монархическая государственность». Россия в идейно-смысловом юридическом отношении была православным царством, а не абсолютной монархией, она несла на себе функцию Третьего Рима, в то время как в Европе, начиная с раннего Возрождения, сложилась совершенно иная конфигурация власти в ее отношении с церковью, хотя до буржуазных революций было еще полтысячелетия.

Новые принципы, привнесенные судебной реформой, оказались чуждыми и инородными государственности и сразу же вызвали коллапс правового сознания, особенно у крестьянства и консервативной части элит, и одновременно необъяснимое возбуждение сознания у «прогрессивной молодежи» – народовольцев, нечаевцев и др., образы которых описаны Ф.М. Достоевским в романе «Бесы» (Достоевский не раз посещал судебный процесс над С. Нечаевым, который послужил прообразом П. Верховенского). Реформа несла совершенно новое, новоевропейское понимание свободы, прав человека, нравственности, веры, поэтому не случайно сам император пережил семь покушений на свою жизнь и сама смерть явилась некоторым свидетельством этой явно объективной несовместимости преобразований и политико-правового организма. Нередко забывается, что реформа несла в себе и принцип разделения властей – принцип секулярный и новоевропейский, который парадигмально вообще не мог быть встроен в структуру российской государственности той эпохи, равно как не мог быть встроен этот принцип и в советскую политико-правовую формацию. Принцип разделения властей достался Европе «кровью и слезами», его формирование потребовало более 500 лет, начиная с раннего Возрождения и заканчивая революциями.

Понимание государственно-правовых реформ и вопрос об их неизбежности. В связи с предлагаемой моделью историко-правового анализа возникает совершенно логичный вопрос: не сводим ли мы данную модель историко-правового познания к банальному охранительству и тем самым не исключаем ли мы государственно-правовое развитие?

Основное значение парадигмального правового анализа связано с элементарным политико-правовым прогнозированием, если угодно – с прогнозированием последствий как принятия тех или иных нормативных правовых актов, так и с прогнозированием развития всей правовой системы. Сегодня институт прогнозирования встроено в норма-

творческую деятельность, и с точки зрения оценки того, как готовилась реформа 1860-х гг., следует сказать, что на тот момент отсутствовал даже элементарный прогноз последствий. Александр III, сын убитого императора, так и не опубликовал фактически одобренный отцом накануне смерти проект Конституции М.Т. Лорис-Меликова, потому что фактически уже было поздно.

Самый главный вывод из представленной модели заключается в том, чтобы уметь диагностировать и прогнозировать развитие правовой системы. Мониторинг политико-правового организма с этой точки зрения должен быть направлен на то, чтобы своевременно обнаружить момент необратимости смены политико-правовой формации. Это позволит максимально смягчить эту смену и предложить реальные, революционные по своей сути пути преобразования политико-правовой модели, однако без революции. И самое главное, следует помнить завет К. Шмитта, что новая модель правопорядка основывается не на праве, а на решении (Dezision), успешность которого зависит от того, в каком состоянии государство и общество подойдут к моменту принятия решения и кто будет находиться у власти.

УДК 34(470)(09)

В.А. Шелкопляс

ПРОВОЗГЛАШЕННЫЕ ПРОГРЕССИВНЫЕ ЧЕРТЫ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 г., ОТХОД ОТ НИХ ПРИ ЕЕ ПРЕТВОРЕНИИ В ЖИЗНЬ И УРОКИ ПРОШЛОГО

Судебная реформа 1864 г. – знаковое и самое глубокое по своим провозглашенным демократическим принципам событие в период длительного перехода от феодальной России к буржуазной не путем всеобщего социального взрыва, как это было в большинстве государств Европы, а путем реформирования государственного механизма, экономики и других сторон общественной жизни. Эта реформа сыграла определенную роль, сняв на некоторое время остроту социального недовольства в России во второй половине XIX в.

Об истории разработки указанной реформы, ее прогрессивных чертах и значении написано много научных работ как ее современниками, так и учеными XX в. [1–8]. Несмотря на это, она постоянно актуальна в силу многих причин: истории ее разработки, состава комиссий по разработке проектов судебной реформы, значении ее как важного инструмента уменьшения социального недовольства, значительного расхождения между провозглашенными прогрессивными принципами и их закреплением и реализацией и т. д.